

Глава 48: Переписывание книг

—

VI.

Се Чаньюэ, услышав знакомый голос, вскинул голову:

— Муж!

Видя такую сияющую улыбку, Гу Сыюань и сам почувствовал, как на душе стало светлее. Он протянул руку супругу:

— Пойдем домой.

— Угу! — Се Чаньюэ энергично кивнул.

Он уже схватился за большую ладонь Гу Сыюаня, чтобы подняться, но, вспомнив о чем-то, поспешно нагнулся и камешком стер написанные на земле слова. Имя мужа не должно быть кем-то растоптано.

Гу Сыюань смотрел на испещренную именем «Гу Ян» землю и думал: вот оно какво — чувствовать, что тебя любят всей душой.

Когда гер поднялся, Гу Сыюань достал из короба сверток в промасленной бумаге и протянул ему:

— Это тебе.

Одного взгляда на упаковку Чаньюэ хватило, чтобы понять — внутри сладости. Его лицо тут же озарилось улыбкой, обнажившей ряд ровных белых зубов:

— Муж, ты специально принес это для меня!

Гу Сыюань слегка кашлянул и с привычно холодным лицом произнес:

— Просто проходил мимо лавки «Баосянчжай».

— Я знаю! — звонко ответил Се Чаньюэ.

Хе-хе, если бы муж, будучи в уезде, не вспоминал о нем и не думал, разве пришло бы ему в голову покупать сладости? Когда он жил в поместье, условия у семьи Шэнь были прекрасными, и второй господин Шэнь каждый день выходил в город, но почти никогда не случалось, чтобы он вспомнил о жене и принес ей какой-нибудь гостинец...

Се Чаньюэ в одной руке держал сверток, а другой крепко обхватил мужа за локоть.

— Муж, а разве в академии занятия не до часа Юй? Как ты так быстро вернулся? Это потому, что ты соскучился по мне и шел очень быстро?..

Гу Сыюань снова кашлянул, но возражать не стал.

— Я так и знал! Я дома тоже очень скучал по мужу, — восторженно засмеялся Се Чаньюэ. Его звонкий и горделивый голос таял в вечернем ветерке.

Они вместе шли к дому, и закатное солнце растягивало их тени, пока те почти не слились в одну.

Войдя в дом, Се Чаньюэ тут же «бросил» Гу Сьюаня и побежал хвастаться гостинцем перед Гу Цинцин и Му Ся. В итоге у него успешно выманили добрую половину. В конце концов ему пришлось, надув щеки, нести заметно похудевший сверток в комнату, чтобы спрятать остатки.

Гу Сьюань ущипнул его за щеку:

— Завтра еще принесу.

Се Чаньюэ покачал головой:

— Не надо.

Он знал, что сладости стоят недешево. Это не поместье графа, нельзя же обедаться ими каждый день.

Гу Сьюань про себя отметил: «Учиться нужно, но и деньги зарабатывать тоже».

На следующий день Гу Сьюань встал еще раньше. Когда он проснулся, Се Чаньюэ всё еще спал в его объятиях, а его щеки покраснелись от сна.

Он снова отправился в уезд легким бегом, однако на этот раз не пошел сразу в академию, а остановился у дверей лавки «Четырех сокровищ кабинета». Среди заведений на Книжной улице у этой лавки была лучшая репутация, и прежний владелец тела заходил сюда чаще всего.

— Это... господин Гу? — приказчик Сун, завидев его, на мгновение замер и лишь потом спросил.

Гу Сьюань был высок, статен и на голову выше толпы — такой человек легко запоминался. К тому же у лавочников, постоянно принимающих клиентов, память на лица острее обычного. Вот только в его памяти этот молодой господин всегда казался мрачным и нелюдимым, а не обладал такой внушительной аурой, как сейчас.

Гу Сьюань сложил руки в приветствии:

— Почтение вам, почтенный Сун.

Тот вернул привычную профессиональную улыбку:

— Что вам угодно приобрести сегодня?

Гу Сьюань перешел сразу к делу:

— Мне нужно купить бумаги. И еще хотел спросить, нет ли у вас работы по переписыванию книг?

Приказчик Сун замялся. Переписывание книг было способом для бедных студентов подзаработать на жизнь. Дело казалось простым, но на деле требовало колоссального напряжения сил: нельзя допускать ошибок, помарок, и каждый иероглиф должен быть идеально каллиграфичным. За десять лет упорного учения времени на саму учебу и так не хватает, и если нужда не припрет к стенке, мало кто из книжников согласится на такой труд.

Он окинул Гу Сьюаня оценивающим взглядом, посерьезнел и выложил лист бумаги:

— Вам стоит написать несколько знаков, чтобы я мог взглянуть.

Гу Сьюань понимал, что его проверяют. Он не стал скромничать: обмакнул кисть в тушь и начал писать. Он писал очень быстро, но каждый иероглиф был четким, ровным и крепким. Спустя мгновение половина листа была заполнена.

Приказчик Сун был потрясен.

— С таким почерком... Даже если не говорить «каждое слово на вес золота», это редкое мастерство. Неужели переписывание книг не унизит ваш талант?

Гу Сьюань усмехнулся:

— Золото... придет время, и возможность представится. А пока важнее заработать немного презренного металла.

Услышав в этих словах безграничную уверенность и гордость, Сун не стал больше спорить. Он повернулся и достал с полки изящную книгу в твердом переплете.

— Это недавно поступившее «Полное собрание Канона документов» (Шу цзин да цюань). Всего девять томов. Один том стоит десять лян серебра. Если перепишите том, я заплачу вам два ляна.

Гу Сьюань взял книгу, пролистал и невольно усмехнулся. Это была древняя версия сборника «золотых ответов» для подготовки к экзаменам. «Четверокнижие» и «Пять канонов» необъятны, выучить и понять всё — тяжкий труд. Поэтому люди составляли сборники самых важных глав с комментариями знаменитых ученых, превращая их в готовые шаблоны для сочинений.

Ученики выбирали нужный шаблон, заучивали его и на экзамене просто «надевали» его на заданную тему. Великие ученые нынешней династии сурово критиковали такой подход, считая его «воздушными замками» без фундамента. Однако этот метод был слишком удобным и эффективным. Хоть он и не позволял занять самые первые места, он давал преимущество перед теми, кто просто зубрил тексты. Поэтому такие «Полные собрания» продавались всё дороже и дороже.

Оставив залог, Гу Сьюань забрал драгоценный том и отправился в академию.

В классе, как и вчера, было лишь несколько человек, мерно покачивавшихся над книгами. Поставив короб, Гу Сьюань взял написанный вчера трактат по стратегии и направился в комнату учителя Чэня.

Дверь была открыта. Внутри, кроме наставника, находились мужчина средних лет и юноша. Судя по подаркам, мужчина привел подростка, чтобы просить о зачислении в ученики. Мальчик-слуга учителя заваривал чай и, по знаку наставника, налил чашку и Гу Сьюаню.

Учитель Чэнь, поглаживая бороду, обратился к гостю:

— Господин Ван, вот это — мой самый способный ученик.

При этих словах оба гостя посмотрели на вошедшего. Мужчина окинул Гу Сьюаня взглядом:

статный, с суровым и холодным лицом, он не проявлял ни подобострастия перед похвалой, ни смущения перед оценкой. Мужчина одобрительно кивнул:

— Раз брат Чэнь так высоко его ценит, он и впрямь человек неординарный.

Гу Сьюань лишь слегка склонил голову, сохраняя молчание. Наставник вернулся к разговору с гостем — речь действительно шла об обучении юноши. Из разговора Гу Сьюань понял, что этот мужчина — не отец мальчика, а его тринадцатый дядя. Судя по такому количеству братьев в роду, это была весьма большая и влиятельная семья.

Спустя некоторое время мужчина средних лет обменялся еще парой вежливых фраз, с заметным раздражением отчитал юношу и, сославшись на занятость, засобирался домой.

Наставник Чэнь вместе с Гу Сьюанем встали, чтобы проводить его до ворот академии, но во дворе гость настойчиво попросил их вернуться, не утруждая себя проводами.

Снова сев на свое место, наставник представил Гу Сьюаню новичка:

— Гу Ян, это твой новый сокурсник. Его фамилия Ван, имя — Сюй. Как и ты, он собирается сдавать экзамены в феврале следующего года.

По фамилии Ван?

Гу Сьюань вспомнил, что тот мужчина средних лет держался весьма внушительно, да и наставник был с ним подчеркнуто учтив. В их уезде Уцин, в городке Юньань, жил знаменитый и могущественный клан Ван. Поколение за поколением они передавали традиции учености: из этого рода выходили члены академии Ханьлинь, министры и высокопоставленные чиновники.

В нынешнем же поколении госпожа из клана Ван пользовалась большой популярностью во дворце. Мало того что она носила титул Благородной супруги (Гуйфэй), так еще и родила государю одного из трех его взрослых сыновей.

Разумеется, по-настоящему великие люди семьи Ван постоянно жили в столице. В родовом поместье в Юньане оставались лишь обычные члены клана, которые жили под сенью великой фамилии и занимались в основном управлением делами предков. Но даже они для простых смертных были недосягаемыми колоссами.

Гу Сьюань знал о семье Ван так много потому, что в оригинальном сюжете инициатором мятежа, приведшего к гибели «преданного третьего лишнего» — его двоюродного брата Гу Чжэня, был великий князь У, тот самый пятый принц, рожденный Благородной супругой из рода Ван.

Мысли Гу Сьюаня пронеслись вихрем, но внешне он остался невозмутим:

— Рад знакомству, брат Ван.

Юный Ван Сюй выглядел довольно строптивым, но на деле оказался хорошо воспитанным. Услышав приветствие, он вежливо ответил:

— Рад знакомству, брат Гу.

После взаимных приветствий наставник Чэнь велел им сесть и подождать. Он отложил трактат Гу Сьюаня в сторону, не став читать его сразу. Сначала он заставил Гу Сьюаня процитировать

несколько глав канонов, а затем устроил проверку по толкованиям, которые объяснял вчера.

Несмотря на внезапность вопросов, Гу Сьюань ничуть не разволновался. Почти не задумываясь, он начал отвечать — слово в слово, в размеренном темпе, с четкой дикцией.

Наставник Чэнь слушал и то и дело кивал: это было истинное «глубокое знание и крепкая память», причем подкрепленное полным пониманием сути. Следом он задал несколько вопросов по крайне редким и сложным местам текстов. Гу Сьюань по-прежнему неспешно и безошибочно давал исчерпывающие ответы.

Слушая это, Ван Сюй не удержался и бросил на него быстрый взгляд.

Раз он был высокомерен, значит, имел на то основания: с детства он славился тем, что запоминал тексты с первого прочтения, и «Четверокнижие» и «Пять канонов» знал почти целиком. Однако человек перед ним не только обладал выдающейся памятью, но и понимал предмет куда глубже, связывая разные части учения между собой. В глазах Ван Сюя впервые вспыхнул азарт соперничества.

Наставник Чэнь, конечно, заметил этот взгляд и, удовлетворенно поглаживая бороду, кивнул. Закончив с цитированием и комментариями, он наконец взял в руки трактат (целунь).

Прочтя первую же фразу, наставник шумно втянул воздух. Он взглянул на холодное и спокойное лицо Гу Сьюаня и молча продолжил чтение. Спустя долгое время он аккуратно положил бумагу на стол и довольно строго произнес:

— Масштаб мысли очень широкий, суждения оригинальные... но слог еще грубоват. Текст должен литься более гладко и гармонично.

Услышав это, Ван Сюй снова не удержался от взгляда на Гу Сьюаня.

«Хм, разве это критика? Такие расплывчатые замечания почти равносильны отсутствию недостатков».

Если предыдущая зубрежка доказывала лишь хорошую память, то теперь оценка наставником трактата заставила его по-настоящему зауважать этого холодного сокурсника.

Учитель Чэнь спросил Гу Сьюаня, почему тот выбрал именно такой подход к теме. Гу Сьюань отвечал всё так же сухо, но содержание его ответов было куда глубже и шире того, что он доверил бумаге. Было заметно, что при письме он намеренно сдерживался.

В конце концов, такие острые и глубокие трактаты одним экзаменаторам очень нравятся, а у других могут вызвать сомнения. Ради надежности Гу Сьюань «придержал коней». Наставник Чэнь был просто поражен: откуда у такого молодого и порывистого студента столь зрелая рассудительность и выдержка?

Это была природная разница в способностях и кругозоре: он просто с рождения видел дальше и мыслил шире других. Наставник подумал про себя: «С таким талантом его слава должна была греметь давно, как же он оставался в тени?»

Но тут же он решил: вероятно, прежние учителя оберегали талант Гу Сьюаня, боясь, что ранняя слава испортит его характер — как в истории о Чжунъюне, чей талант иссяк из-за похвал. И вот теперь, на пороге совершеннолетия, его клинок наконец явил свою остроту.

Учитель кивнул. Это было логично: юноше всего семнадцать-восемнадцать лет, а он спокоен и невозмутим, словно гора Тайшань, рушащаяся перед глазами. Видно, что закалка была успешной.

Закончив размышления, наставник написал на бумаге новую тему и передал Гу Сьюаню:

— Это тема на сегодня. Завтра в это же время придешь ко мне на проверку.

Гу Сьюань поклонился:

— Благодарю за труды, наставник.

Учитель Чэнь, поглаживая бороду, махнул рукой:

— Ступай.

Судя по всему, возвращать вчерашний трактат он не собирался.

Когда Гу Сьюань вышел, Ван Сюй встал и почтительно поклонился учителю:

— Наставник, не позволите ли ученику взглянуть на выдающийся труд брата Гу?

Учитель Чэнь покосился на него и, проявив редкую уступчивость, кивнул. С улыбкой на лице Ван Сюй принял бумагу обеими руками. Спустя мгновение он молча положил трактат обратно, отвесил глубокий поклон и вышел из комнаты.

В этом мире действительно «за одним небом есть другое, а за великим человеком — еще более великий». Когда он жил в столице, он был полон гордыни, считая лишь немногих равными себе. Приехав в маленький уезд Уцин, он стал ещё более высокомерным, думая, что небеса — величайшие, а он — лишь второй после них. Кто бы мог подумать...

В итоге в обед, когда Гу Сьюань по обыкновению купил горячего супа и собирался съесть свои лепешки, некий юноша по фамилии Ван по-свойски подсел к нему с изящным лакированным коробом для еды и бесцеремонно заявил:

— Брат Гу, слуги прислали слишком много еды, не составишь ли компанию?

Гу Сьюань мельком взглянул на него. Типичный для того времени способ общения: заводить дружбу за обеденным столом. Тем не менее он кивнул. В плане, который он только что наметил, этот человек был очень важным звеном.

С другой стороны, путь экзаменов никогда не проходят в одиночку. Начиная с уездного экзамена, кандидаты должны поручиться друг за друга, образуя группы. Чем выше уровень, тем строже правила: на экзамене юаньши требуется поручительство пяти кандидатов друг за друга с системой круговой поруки (ляньцзо) — если один смошенничает, виноваты будут все пятеро.

Поэтому мало быть честным самому, нужно еще знать характер своих попутчиков. Завести знакомство заранее — дело благое. К тому же, судя по уроку, этот юноша обладал знаниями и способностями, а при наличии мощной поддержки за спиной его ждало большое будущее. Даже если забыть о текущих планах, в будущем, когда Гу Сьюань займет место при дворе, такие связи — сокурсники, земляки, сверстники — станут ценнейшим политическим ресурсом.

Однако, несмотря на все эти разумные доводы, Гу Сьюань вскоре начал жалеть о своем

решении. Ван Сюй только казался нелюдимым и гордым, но стоило познакомиться поближе, как он превращался в одержимого болтуна.

Наконец, когда тот едва не начал брызгать слюной прямо в чужую миску, Гу Сьюань впервые процитировал древнюю мудрость:

— Когда ешь — молчи.

Ван Сюй моргнул:

— Тогда, как доедим, продолжим наш спор, брат Гу.

— ... — Гу Сьюань.

Неужели у человека может быть столько слов?

Вечером, после окончания занятий, Ван Сюй так же, не переставая болтать, вышел вместе с ним за ворота академии. Он сопровождал его даже в книжную лавку, куда Гу Сьюань зашел сдать первый переписанный том «Полного собрания Канона документов».

Когда приказчик Сун взял книгу в руки, он не поверил своим глазам:

— Как вы успели так быстро, господин?!

— ... — Гу Сьюань.

— Почтенный Сун, следите за языком, — вставил Ван Сюй.

Впрочем, стоило приказчику Суну проверить переписанное, как он тут же, сияя от радости, выплатил деньги. Более того, он сразу выдал Гу Сьюаню еще три тома для работы, причем на этот раз не потребовал залога.

Перейдя мост через Чистый ручей, на углу улицы Аньдин, они увидели толпу, окружившую какой-то лоток. Стоя на мосту, Гу Сьюань разглядел торговца, который продавал арбузы.

Арбузы попали в Срединные земли из западных регионов еще тысячу лет назад. Поначалу они были изысканным лакомством лишь в домах знати, но в прошлую династию, благодаря активной торговле иноземцев в Цзяньнани, технологии выращивания распространились шире. И все же в домах простых людей они по-прежнему были редкостью. Однако их округ Тунчжоу находился под управлением префектуры Шуньтянь, и через него часто проезжали купцы, везущие товары в столицу; по пути они заглядывали и сюда.

— Пойду посмотрю, — сказал Гу Сьюань.

Ван Сюй, тоже заметив лоток, присвистнул:

— О, заморские тыквы! Тоже их люблю. Пойдем вместе, я велю ему потом парочку ко мне домой доставить.

Гу Сьюань придирчиво выбрал на прилавке один круглый, наливной плод. Тот подозрительно напоминал ему щеки Се Чаньюэ, когда тот дулся от недовольства. Узнав цену, он выяснил, что один арбуз стоит несколько сотен вэней. Гу Сьюань невольно коснулся кошелька — хорошо, что он только что сдал переписанную книгу и получил два ляна, иначе пришлось бы «ужинать по-разбойничьи», уходя не заплатив.

Ван Сюй посмотрел на него:

— Чего ты берешь только один? Кого этим накормишь? Я угощаю, брат Гу, бери еще несколько.

Гу Сьюань покачал головой:

— Этот плод весьма «холодный». Возьму один, только чтобы порадовать супруга.

Ван Сюй в изумлении нахмурился:

— Брат Гу уже женат?

Этот человек выглядел почти его ровесником. Гу Сьюань кивнул.

Ван Сюй не удержался от тяжелого вздоха:

— Эх... А я-то хотел сказать брату Гу, что у меня в роду полно сестер...

Гу Сьюань тут же его пресек:

— Брат Ван, не шути так. Мы с супругом души друг в друге не чаем.

Ван Сюй, будучи человеком понятливым, тут же сменил тон и с улыбкой спросил:

— Должно быть, твой супруг — гер из знатной семьи? Статный, добродетельный и выдающийся, раз брат Гу так о нем печется?

Гу Сьюань подтвердил:

— Мой супруг действительно выдающийся, но он не из знатного рода. Он мой односельчанин.

— А... вот как.

Ван Сюй открыл было рот, чувствуя легкое разочарование. Человек с такой внешностью и талантом, как Гу Сьюань, наверняка далеко пойдет по пути императорских экзаменов. Будь он холост, какой-нибудь высокопоставленный чиновник мог бы отдать за него любимую дочь, и тогда его карьера сложилась бы куда легче. А теперь...

Гу Сьюань не догадывался о его мыслях. Прижимая к себе круглый арбуз, он представлял, как Се Чаньюэ, надув свои круглые щечки, ждет его у въезда в деревню, и поспешил попрощаться:

— Брат Ван, до завтра!

— До завтра! — откликнулся Ван Сюй.

Деревня Хуаньян. Се Чаньюэ отбросил маленькую мотыгу и выбежал за ворота. Сегодня он немного задержался на заднем дворе: семена цветов, которые дал ему муж, внезапно проросли! Окрыленный успехом, он возился с ними до тех пор, пока не заметил, что солнце уже клонится к закату.

Му Ся, глядя на невестку, который умчался точно по расписанию, лишь беспомощно покачал головой. Неужели его сын действительно обладает таким невероятным обаянием?

Сегодня в коробе лежал арбуз, так что бежать было не очень удобно, и Гу Сьюань двигался

медленнее, чем вчера. Не успел он подойти к окраине, как увидел знакомую стройную фигуру, стремительно выбегающую из деревни. Завидев его, Се Чаньюэ просиял, подлетел к нему и вцепился в локоть.

— Муж! — капризно позвал он.

Гу Сьюань погладил его по голове:

— Сегодня купил заморскую тыкву, потому шел медленнее. Хорошо, что ты не пришел ждать слишком рано.

Чаньюэ энергично затряс головой:

— Сегодня семена проросли, я тоже пришел поздно.

Заметив пот на лице супруга, Гу Сьюань с нежностью проворчал:

— Сейчас лето, еще ничего. Но через пару месяцев, когда наступит осень и начнет темнеть раньше, я запрещаю тебе ждать меня у въезда в деревню.

Се Чаньюэ надул губы и промолчал.

Гу Сьюань легонько ущипнул его за ту самую круглую щечку:

— Осенью я буду возвращаться на воловьей повозке, это будет даже раньше обычного. В темноте у деревни может быть опасно, не заставляй меня волноваться.

Услышав, что муж будет волноваться, Чаньюэ снова расцвел:

— Я буду слушаться мужа. Тогда ты обязательно возвращайся пораньше.

— Обязательно, я тебя не обману, — пообещал Гу Сьюань.

Вернувшись домой, Гу Сьюань достал арбуз и отдал его Се Чаньюэ, чтобы тот разрезал его и полакомился. Хоть Чаньюэ и хотелось единолично владеть всем, что купил муж, арбуз был штукой редкой, и в семье Гу его мало кто пробовал. Поэтому он решил вынести его во двор, чтобы все могли отведать. Гу Сьюань не возражал.

В этот момент из кухни вышла Ли Сянтао. Увидев, как гер моет арбуз, она тут же вытаращила глаза:

— Ой-ой-ой! Ну и балует же наш А-Ян своего супруга! Вчера — сладости из «Баосянчжай», сегодня — арбуз. Хм, сам еще учится, тратит семейные деньги, а на такие дорожные вещи не скупится!

Се Чаньюэ перестал мыть арбуз и медленно поднял голову, прищурившись. Глаза у него были красивые, миндалевидные, с приподнятыми уголками — обычно это выглядело мило, но сейчас в его взгляде появилось нечто странное и пугающее. Ли Сянтао невольно оробела:

— Что смотришь? Разве я не правду говорю? Чистое расточительство.

Се Чаньюэ холодно усмехнулся:

— Когда вчера старшая тетя за раз стащила у меня три-четыре куска сладостей, она почему-то

не считала это расточительством?

Ли Сянтао поперхнулась словами и лишь мгновение спустя пробормотала:

— Раз уж купили, почему бы мне не взять? Всё равно на семейные деньги куплено.

Взгляд Чаньюэ стал еще ледянее, он уже собирался что-то ответить, как вдруг раздался резкий мужской голос.

— И сладости, и арбуз куплены на деньги, которые я заработал переписыванием книг. Деньги на бумагу и тушь, что выдаются из общего котла, у нас с братом Гу Чжэнем одинаковые, я никогда не брал лишнего и никогда не получал тайных пособий.

Из комнаты вышел Гу Сьюань. Ли Сянтао побледнела. Первые слова Гу Яна еще можно было стерпеть, но последняя фраза была явным намеком: Гу Яна никогда не баловали деньгами из «общего котла», в то время как ее сыну бабушка частенько подсовывала лишнее.

Вся ледяная аура Се Чаньюэ мгновенно испарилась. Он с арбузом в руках подбежал к Гу Сьюаню и, надув щеки, жалобно посмотрел на него:

— Муж... — протянул он так долго и тоскливо, будто его только что смертельно обидели.

— ... — Ли Сянтао.

«Ты только что со мной совсем не так разговаривал!»

Гу Сьюань погладил супруга по щеке, и его сердце переполнилось нежностью. Он холодно взглянул на тетку:

— Раз уж старшей тете так неприятно на это смотреть, мы унесем арбуз в свою комнату. Позже разрежем и занесем дедушке с бабушкой. И еще... старшей тете стоит соблюдать приличия. То, как племянник относится к своему супругу — дело их личных покоев. Старшей тете не пристало заглядывать в чужие комнаты так пристально.

— Ты... Гу Ян! Ах ты, паршивец! — Ли Сянтао покраснела то ли от гнева, то ли от стыда. Как он посмел сказать такую чушь? Сказать, что она «подглядывает» за делами племянника в его покоях — да как ей после такого людям в глаза смотреть?!

— Довольно! Из-за какого-то арбуза в семье раздор устроили, — из дома вышла старая госпожа Гу.

Она никогда не отчитывала невесток при внуках, но сейчас сделала исключение для Ли Сянтао:

— Раз не любишь арбузы, иди к себе. Деньги потрачены не твои.

Ли Сянтао не посмела спорить со свекровью и сердито ушла. Однако перед уходом она бросила на Гу Яна презрительный взгляд, думая про себя: «Ну-ну, посмотрю я, что за ученый из тебя выйдет, если ты только о супруге и думаешь. Жду не дождусь твоих экзаменов в следующем году!»

Гу Сьюань сделал вид, что не заметил. Старая госпожа Гу повернулась к нему и строго сказала:

— Ты человек книжный, следи за речью. Негоже в семье такие вещи вслух произносить.

Се Чаньюэ тут же возмущенно надулся. Хм, это у тети не всё в порядке с головой, вечно лезет не в свое дело! Гу Сьюань не стал спорить с бабушкой, кивнул для вида и увел супруга в комнату.

Старая госпожа Гу посмотрела им в спину и нахмурилась. Раньше старшая невестка тоже была острой на язык и мелочной, но семья второго сына никогда не принимала это близко к сердцу, и ссор не было. Теперь же, когда Ян-эр женился, его характер изменился, и конфликты стали расти как грибы. А то, что второй сын и невестка сидели в комнате и не вышли мирить стороны, ясно говорило об их позиции. Старик планировал разделить хозяйство после женитьбы Гу Чжэня, но, возможно, придется сделать это раньше. Если тянуть, братья могут стать врагами.

В комнате Се Чаньюэ смотрел на мужа с обожанием:

— Муж, ты только что был таким потрясающим! Мало того что поставил противную тетку на место, так нам еще и не придется делиться с ней арбузом.

Гу Сьюань ущипнул его за щеку:

— Если тебе нравится, завтра еще принесу.

Се Чаньюэ обнял его за шею и сладко прошептал:

— Мне нравится всё, что ты даришь. Но арбуз больше не надо. Тебе тяжело дается переписывание книг, мне жалко твоих сил.

— ... — Гу Сьюань.

Как на свете может существовать такое очаровательное сокровище? Он повалил супруга на кровать — ему захотелось проверить, так же ли сладок Се Чаньюэ целиком, как и его речи.

Последующие дни текли мирно. Гу Сьюань учился и писал, Се Чаньюэ растил цветы и ждал его возвращения. Время шло, на верхушках деревьев появилась первая позолота, а бутоны цветов сменились плодами.

В начале девятого месяца начались каникулы Шоуи (праздник подношения зимней одежды). Они длились около десяти дней, чтобы ученики могли вернуться домой и подготовить теплые вещи к зиме. Академия, понимая трудности студентов из дальних деревень, отпустила всех в полдень.

Когда Гу Сьюань вернулся домой, его маленького супруга, который обычно выбегал навстречу, не было. Он нашел его на заднем дворе. Тот стоял перед растениями, которые вымахали выше человеческого роста, и тяжело вздыхал.

— Прости меня, муж. Похоже, красивых цветов у меня не выйдет. Наверное, я что-то делал не так...

—